

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ СЦЕНЫ

ПАМЯТИ И. М. МОСКВИНА

Когда сорок восемь лет тому назад впервые раздвинулся занавес Художественного театра и Москва увидела в роли царя Федора молодого актера Москвина, зрителям стало ясно: на русскую сцену пришел замечательный художник и принес с собою прекрасную правду, мудрую простоту и необычайную душевность в изображении русского человека.

Все еще было впереди у Художественного театра: и чеховская «Чайка» с призывом к борьбе за новое искусство, и горьковский спектакль-буревестник «На дне», и европейские успехи, и мировая слава, — все это еще было в тумане будущего. Но в настоящем, в первом спектакле молодого театра, был вот этот молодой актер в труднейшей роли царя-неудачника, в никогда не игранный пьесе, запрещенной царской цензурой. И от этого молодого актера, от созданного им образа повеяло такой чистотой, такой теплой задумчивостью, что зрители поверили в художественную правду спектакля, поверили в светлое будущее театра, только что раздвинувшего свой занавес.

Москвин оставался до конца дней своих лучшим выразителем искусства Художественного театра. И самое развитие этого искусства, самое торжество его было связано в значительной степени с творчеством Москвина. Оно неотрывно от великого прошлого русского театра, от искусства Щепкина и П. Садовского. Оно слито с вечными потоками всякого творчества — с великим и могучим русским языком, с народной речью, песней, преданием.

— Откуда вы так знаете старую Москву? — не раз спрашивали Ивана Михайловича, и он с улыбкой отвечал:

— Да ведь фамилия-то у меня какая? Москвин! Как же мне не знать Москвы?..

Но точно так же он знал и всю Россию — от душного царского терема, в котором металась душа несчастного Федора, от пеленых хором неистового буйна подрачика Хлынова («Горячее сердце») до убогой казармы отставного капитана Снегирева, чье

сердце уязвлено горькой обидой («Братья Карамазовы»), до почлежки на Хитровом рынке, куда странник Лука приходит «утешать» обездоленных («На дне»).

«Я — сын часового мастера, в семье нас было восемь человек», — рассказывал Москвин о своей жизни. — «Отец послал меня в городское училище. Я пел за четвертак на всенощной». Мальчишку пришлось служить в часовом магазине, потом работать на чугунолитейном заводе — весовщиком чугуна и приемщиком заказов. «Работал я помногу, — вспоминал Иван Михайлович. — Начинал с пяти и кончал в семь, а зимой — с шести утра и до восьми часов вечера».

У юноши было страстное стремление к театру, но пришлось испытать немало неудач, прежде чем двадцатичетырехлетним безвестным актером Москвин вступил в труппу Художественного театра (1898 г.).

С этих пор вся деятельность и вся жизнь Москвина беззаветно были отданы театру: в качестве актера, режиссера, а позднее директора театра он отдал Художественному театру все свои силы. За свой неустанный труд он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Ленина, удостоен звания Народного артиста СССР. Дважды были присуждены ему Сталинские премии.

Советский зритель горячо любил искусство Москвина и высоко ценил его как художника и общественного деятеля. В 1937 году Москвин был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Москвин — действительно народный художник в самом глубоком и полном значении этого слова. Он сам радовался, когда ему приходилось играть в пьесах полнотно народных русских драматургов — Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Островского, Льва Толстого, Чехова, Горького — художников, которые, по определению Москвина, «видят жизнь не в полглаза, а в несколько глаз, слышат жизнь не в пол-уха, а в несколько ушей».

Так слышал, так видел русскую жизнь и сам Москвин.

Он не был актером ни комедии, ни драмы, ни трагедии, хотя играл блестяще и трагедию («Царь Федор Иоаннович»), и драму («Живой труп», «Братья Карамазовы»), и комедию («Горе от ума», «Горячее сердце»), и трагикомедию («Смерть Пазухина»), — он был художником жизни, образителем души русского человека во всей ее сложности.

Реализм Москвина не был холодным, безучастным, описательным реализмом стороннего наблюдателя жизни. Москвин изображал человека, то любясь им, то скорбя за него, то обличая его, но всегда — любя свою Родину и веря в творческие силы, в жизненную мощь, в прекрасное будущее русского человека.

Творчество Москвина — это образец реалистического искусства, широкого по охвату жизненных явлений, глубокого по проникновению в самую их сущность. Когда Москвин живописует нелепый облик самодура Хлынова, он не просто дает его сочный портрет — он в Хлынове открывает «хлыновщину», целое явление старой русской жизни: дикое самодурство, соединенное с неудержимой удалой.

И если в Хлынове, в Порфирии Пазухине Москвин поражал многообразием и яркостью красок, то в таких созданиях, как Загорен-

кий или Епиходов, Москвин изумлял лаконической остротой, сдержанной меткостью своих характеристик, где точность наблюдений психолога соединялась с зоркостью сатирика.

С горечью сетовал Иван Михайлович на тех актеров, которые, по его словам, «чтобы создать новый образ, пользуются старыми баночками из лаборатории своих старых ролей». Трафаретами и штампами Москвин не пользовался никогда. Последний созданный им образ (Прибытков в «Последней жертве») творчески так же свеж и жизненно-правдив, как образ царя Федора, созданный сорок восемь лет назад.

Смерть не дала Москвину осуществить его мечту — сыграть Расплюева («Свадьба Кречинского») и Любима Торцова («Бедность не порок»).

Имя Москвина давно занесено на страницы истории русского театра наряду с величайшими его мастерами — Щепкиным, П. Садовским, Мартыновым, Ленским, Станиславским. Вдохновенное творчество замечательного актера и вся его жизнь, отданная театру, навсегда останутся примером высокой любви к Родине и самоотверженного служения искусству правды и свободы.

С. ДУРЫЛИН.

У ГРОБА И. М. МОСКВИНА

Московский Художественный театр погружен в глубокий траур.

Гроб с телом выдающегося артиста И. М. Москвина, с именем которого связаны годы расцвета театра, установлен на высоком постаменте в зрительном зале. Над гробом, образуя арку, свисают складки черно-красного бархата, на фоне которого парит чайка — эмблема Художественного театра. У подножья постамента — цветы и венки. Один из них — от коллектива МХАТ. На ленте надпись: «Нашей гордости, нашему безгранично любимому Ивану Михайловичу Москвину».

В зале собрались близкие и друзья покойного, родные, творческий коллектив МХАТ'а. Товарищи, собравшиеся у гроба, вспоминают замечательный жизненный и творческий путь, благородно пройденный Иваном Михайловичем.

С хоров и со сцены несутся скорбные звуки траурных мелодий Шопена, Чайковского. Через зал в благоговейном молчании проходят сотни, тысячи москвичей — рабочих, студентов, офицеров Красной Армии, ученых, педагогов. Они отдают последний долг человеку, который составлял гордость и славу русского театра, человеку, который все свое творчество посвятил родному народу.

Сменяя друг друга, у гроба несут траурную вахту мастера МХАТ, делегации других московских театров. В зал вносят все новые и новые венки.

До полуночи мимо гроба прошло около 15.000 человек.

* * *

Сегодня в 13 час. 30 минут — гражданская панихида. Похороны состоятся на Новодевичьем кладбище.